

Русскіе у береговъ Эпира ¹⁾.

(115 лѣтъ тому назадъ).

По неизданнымъ мемуарамъ.

Второй разъ г. Метакса ѣздилъ, по порученію адмирала Ушакова, отъ острова Корфу, блокированнаго соединенной эскадрой, въ расположенный на албанскомъ берегу, противъ Корфу, гор. Бутринто, гдѣ находился въ это время Али-паша, чтобы убѣдить его дать помощь десантными войсками. Осада неприступныхъ корейскихъ укрѣпленій требовала значительныхъ сухопутныхъ силъ. Ихъ на эскадрѣ не было. Поставка десантныхъ войскъ входила въ обязанность сосѣднихъ пашей, въ томъ числѣ и Эпирскаго намѣстника, въ силу султанскаго фирмана. Но сила самыхъ строгихъ указовъ изъ Константинополя ослабѣвала до ничтожности, по мѣрѣ удаленія отъ столицы, и адмиралу Ушакову приходилось всѣми способами — убѣжденіемъ, подарками, угрозами заставлять правовѣрныхъ исполнять султанскіе фирманы. Владѣніе Али-паши находилось ближе всѣхъ остальныхъ къ району военныхъ дѣйствій соединенной эскадры, но онъ-то менѣе другихъ былъ расположенъ подчиняться повелѣніямъ султана. Такимъ образомъ, новое отвѣтственное порученіе, возложенное на лейтенанта Метаксу, являлось не менѣе „скользкимъ“, чѣмъ первое. Авторъ „Записокъ“ выполнилъ его успѣшно. Его столь же живой рассказъ о второй поѣздкѣ интересенъ той откровенностью, какой подарилъ Али-паша русскаго офицера по такъ называемому „Восточному вопросу“.

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1915 г.

...„Теперь приступлю я къ разсказу вторичной моей посылки къ пашѣ Янинскому: 28-го января былъ я призванъ къ адмиралу, который, вручивъ мнѣ письмо и табакерку съ футляромъ, приказалъ отправиться къ Али-пашѣ съ тѣмъ, чтобы я ни мало не медля, по полученіи отвѣта касательно войскъ, возвратился ко флоту. Я отвалилъ въ 9 часовъ утра съ флагманскаго корабля и при южномъ вѣтрѣ подъ парусами прибылъ къ назначенію своему въ самый полдень. Какъ скоро стали мы приставать къ правому берегу при устьѣ рѣчки Бутринто, я спросилъ, тутъ ли Али-паша. Греческіе матросы указали намъ купеческій трехъ-мачтовый бригъ, къ которому я тотчасъ привалилъ. Первое лицо, которое я встрѣтилъ, взошедъ на судно, былъ самъ визирь въ простомъ албанскомъ капотѣ, расхаживавшій по палубѣ съ трубкою во рту. Онъ тотчасъ назвалъ меня по имени, какъ стараго знакомаго, и сказалъ: „Добро пожаловать, г. Метакса“! потомъ взялъ меня подъ руку, и мы спустились въ весьма темную, тѣсную и нечистую каюту: тутъ подалъ я ему письмо и табакерку. Вынимая послѣднюю изъ футляра, онъ пораженъ былъ ея блескомъ и показывалъ видъ величайшаго удовольствія. Табакерка сія была украшена изумрудами, кои вмѣстѣ съ крупными бриллиантами представляли букетъ цвѣтовъ, и оцѣнена была въ казнѣ 2.000 червонныхъ.

Узнавъ содержаніе адмиральскаго письма, которое я ему прочелъ, Али-паша сказалъ съ веселою улыбкою: „все пойдетъ на ладъ“! Онъ приказалъ тотчасъ накрыть для меня на столѣ и велѣлъ накормить гребцовъ моихъ, извиняясь, что дадутъ мнѣ походный обѣдъ, ибо никто не могъ, прибавилъ онъ, ожидать въ пустынѣ сей такого гостя. Потомъ, пожелавъ мнѣ хорошаго аппетита, отправился онъ на другое судно.

Шкиперъ подалъ мнѣ холодной жареной баранины и множество самыхъ лучшихъ сухихъ закусокъ, я второпяхъ перехватилъ кое-что, выпилъ рюмку вина и, спѣша возвратиться съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ къ адмиралу, ожидалъ возвращенія паша въ каюту, чтобы съ нимъ проститься и попросить письмо, но вмѣсто того, онъ прислалъ своего письмоводителя пригласить меня на то судно, гдѣ находился самъ, и которое было столь же великолѣпно и опрятно, сколько первое было бѣдно и нечисто. Азіатскіе ковры, украшавшіе каюту, бархатные диваны, висѣвшіе на стѣнахъ богатые кинжалы, оправленные въ золотѣ и серебрѣ ружья, пистолеты и другія оружія; дорогіе янтарные трубочные мундштуки, зеркала, фар-

форъ, отборная мебель — все однимъ словомъ показывало, что я находился на яхтѣ визиря и повелителя Эпира. ...Я, не теряя времени, началъ у Али-паши возобновлять настоянія свои объ отправленіи меня скорѣе съ отвѣтомъ къ адмиралу. Онъ обнадежилъ меня, что я не долго буду задержанъ, но какое было удивленіе мое, услышавъ отъ него, что онъ готовъ дать Россійскому Главнокомандующему сколько будетъ ему угодно войскъ, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы, по завладѣніи Корфою, половина артиллеріи съ крѣпостей и всѣ мелкія военныя непріятельскія суда были отданы ему, яко участнику въ экспедиціи сей.

Много стоило мнѣ труда дать ему уразумѣть, что такового обѣщанія не въ силахъ дать ни самъ султанъ Селимъ, потому что союзники почитаютъ всѣ Ионическіе острова не покоренною добычею, но землями, исторгнутыми токмо отъ владѣній французовъ, и въ коихъ все до послѣдней пушки должно оставаться неприкосновеннымъ. Я Али-пашѣ представилъ, что безкорыстное содѣйствіе дастъ ему случай обезоружить враговъ своихъ при Портѣ Оттоманской, а особенно Низедъ-пашу, бывшаго тогда верховнымъ визиремъ, и утвердить самого султана въ хорошемъ объ немъ мнѣніи, чѣмъ вліяніе его по всему матерому берегу еще болѣе увеличится, что и Высочайшій Россійскій дворъ не оставитъ, конечно, при случаѣ сказать ему своего благоволенія и наградить его щедрыми подарками. Долго не выходили изъ головы его пушки и галеры, наконецъ, отступился онъ отъ требованій своихъ, призвалъ Мухтара ¹⁾, далъ ему по сему предмету нужныя предписанія и отправилъ его въ Янину, а мнѣ объявилъ, что отправленіе мое будетъ готово къ завтраму въ 10 часовъ утра. Ни неотступныя мои просьбы, ни представленіе объ отвѣтственности, коей я подвергался предъ начальствомъ замедленіемъ своимъ, не могли заставить Али-пашу перемѣнить своего опредѣленія: надлежало повиноваться избалованному деспоту, привыкшему подчинять все необузданной своей власти. Послѣ открылось, что причина сего задержанія была та, что визирь, не имѣя съ собою, чѣмъ отдарить Главнокомандующаго, разослалъ курьеровъ въ Дельвино, Янину и другіе города за подарками...

...Послѣ ужина, Али часа съ два разговаривалъ со мною о разныхъ предметахъ. Онъ казался мнѣ весьма озлобленнымъ

¹⁾ Старшій сынъ Али-паши.

на Порту, можетъ быть и притворно; я поздравилъ его съ полученными отъ султана милостями ¹⁾).

„Меня хотѣли“, отвѣчалъ онъ (принявъ поздравленія мои довольно равнодушно), „сдѣлать верховнымъ визиремъ, но что мнѣ въ этомъ? Я здѣсь силенъ. Скорѣе султанъ будетъ меня бояться въ Стамбулѣ, нежели я его въ Янинѣ. Алчность къ моимъ сокровищамъ заставитъ его, можетъ быть, воевать со мною, но всѣ они въ заблужденіи; я не такъ богатъ, какъ они думаютъ ²⁾; нѣтъ деревеньки, которую я бы не укрѣпилъ и не привелъ въ лучшее оборудительное состояніе. Все это требуетъ великихъ издержекъ, а чего стоятъ мнѣ эти ненасытные (разумѣя министровъ Порты Оттоманской). Едва сдѣлаешь себѣ подпору и пріятеля, онъ уже безъ головы, а ты безъ денегъ“...

Видя, что я разсмѣялся, Али, улыбнувшись самъ, спросилъ,—кто мнѣ казались смѣшными, пріятели ли его или онъ?

— „Вашему горю“, отвѣчалъ я, „можно еще пособить, а головы пріятелей“...

— „Оставимъ эти пустяки“, продолжалъ Али-паша, прервавъ рѣчь, „скажи мнѣ свое мнѣніе откровенно, думаешь ли ты, что независимость, которую вашъ адмиралъ провозглашаетъ здѣсь, будетъ распространена и на грековъ матерого берега“?

— „Конечно нѣтъ!“! отвѣчалъ я, „прочіе греки не подъ игомъ французовъ, какъ и іонійцы, а подданные султана нашего друга и союзника“!

— „И то правда“, возразилъ онъ, „я все забываю и вѣрить тому не могу, что русскіе—союзники Порты“.

Потомъ сталъ онъ говорить очень подробно о бывшихъ между Россіею и Турціею войнахъ, о князѣ Потемкинѣ и графѣ Румянцевѣ, разбиралъ дѣйствія ихъ, исчислялъ ихъ ошибки. „Повали дерево съ корня и тогда дѣлай съ нимъ, что хочешь“, прибавилъ Али-паша. „Я на мѣстѣ Россіи ударилъ бы прямо высадкою въ Царьградъ, у васъ войско прекрасное, флотъ сильный, — зачѣмъ же дѣло встало? А покуда деретесь бесполезно вы на Дунаѣ, гдѣ у васъ болѣе умираетъ отъ болѣзни, нежели отъ войны, завистники ваши вамъ перечать“. Мнѣ довольно странны показались разсужденія сіи въ устахъ

¹⁾ За взятіе Превезы Али-пашѣ султанъ далъ званіе визиря.

В. И.

²⁾ Въ первую мою поѣздку къ нему въ Превезу, онъ не то мнѣ говорилъ. Тогда приглашалъ онъ меня съѣздить въ Тепеленгу, чтобы посмотреть на накопленное имъ тамъ сокровище.

М.

турецкаго визиря, но кто можетъ проникнуть цѣль, съ кою Али-паша оныя дѣлалъ?

Видя, что я отвѣчалъ ему однимъ молчаніемъ, онъ оставилъ разговоръ сей и началъ говорить о французской экспедиціи въ Египетъ, съ такою основательностью и разумомъ, что я былъ приведенъ въ удивленіе; онъ предсказывалъ уже тогда все, что послѣдовало позже, потомъ перешелъ онъ къ своимъ подвигамъ и завоеваніямъ; онъ описывалъ съ большимъ восторгомъ, какимъ образомъ совершилъ покореніе Эпирской столицы, и воспѣвалъ побѣду, одержанную имъ надъ прежнимъ владѣтелемъ оной пашею Колосомъ; рассказывалъ мнѣ также, какъ онъ, съ горстью албанцевъ—парамифіотовъ, вторгся въ городъ Янину, гдѣ считалось 75.000 жителей. Дѣло дошло потомъ и до древне-греческой исторіи, которую ему читаютъ въ досужное время ученые греки. Онъ отзывался оThemistocle и Эпаминондѣ, какъ о величайшихъ полководцахъ, но болѣе всѣхъ выхвалялъ Филиппа, называя его пронырливѣйшимъ изъ всѣхъ древнихъ великихъ мужей. Кажется, что Али-паша, при порабоженіи Эпира и Фессаліи, слѣдовалъ той же политикѣ, которую Македонскій царь употребилъ для покоренія греческихъ республикъ, т.-е.: поджигалъ раздоры между сосѣдственными пашами и аянами (воеводами), помогалъ подъ рукою слабымъ, вступался во-время за свои или постороннія права, принималъ на себя попеременно лицо примирителя и оскорбленнаго; наконецъ, сильныхъ, слабыхъ, побѣжденныхъ и побѣдителей, всѣхъ поработилъ подъ свою власть, зная, что Порта, по малодушію своему, объявляетъ себя всегда на сторонѣ сильнѣйшаго.

Настало время отдыхать: Али-паша распростился со мною и, пожелавъ мнѣ добрую ночь, легъ за перегородкою на деревянной широкой лавкѣ, устланной ковромъ, а я, расположась на диванѣ, долго не могъ заснуть, перебирая въ головѣ моей все то, что слышалъ. Я не могъ довольно надивиться, какъ человѣкъ столь жестокой, свирѣпой и необразованный, могъ обладать разговоромъ, столь плѣнительнымъ, ловкимъ и пріятнымъ. Ужели, говорилъ я самъ себѣ, это тотъ самый Али-паша, истребляющій столь безжалостно не только невинныхъ христіанъ, но собственное свое семейство и ближнихъ родственниковъ—это ли опустошитель, обратившій въ пустыню несчастную Превезу, гдѣ искалъ ни славу, ни лавры, но токмо головы человѣческія? Мнѣ казалось, что, несмотря на всѣ его гнусные пороки, кои отчасти приписать должно невѣжеству,

необузданности, власти и свирѣпству нравовъ края того, Али-паша одаренъ отъ природы качествами, кои сдѣлали бы изъ него великаго и мудраго владѣтеля, ежели бы родился онъ въ просвѣщенномъ государствѣ.

Матросы стояли во всю ночь на часахъ у дверей и наблюдали за огнемъ, горѣвшимъ въ каютѣ, раскуривали нѣсколько разъ пашинскую трубку или подавали ему воды, онъ же спрашивалъ поминутно, не возвратился ли который-нибудь изъ гонцовъ. Безпрестанное движеніе, происходившее въ каютѣ всю ночь, не позволяло мнѣ хорошенько заснуть: я поспалъ только часа съ два, и то кое-какъ, съ урывками, а Али-паша, я полагаю, и того еще менѣе. Вставъ съ зарею вмѣстѣ, онъ пошелъ на берегъ къ своему войску, стоявшему на бивуакахъ; вскорѣ послѣ того и я послѣдовалъ за нимъ.

Солнце начинало восходить, но земля еще покрыта была на нѣсколько сажень туманомъ, произведеннымъ густыми озерными парами, такъ что люди казались ходящими въ дыму. Воздухъ здѣсь ощутительно отяготителенъ и крайне нездоровъ; доказательствомъ тому служитъ то, что, кромѣ рыбныхъ хижинъ и нѣсколькихъ амбаровъ для складки рыбы, никакого почти жилища не находится.

Узнавъ отъ пашинскихъ людей, что онъ на яликѣ пустился по рѣкѣ, я сѣлъ на катеръ и послѣдовалъ за нимъ... Увидя Али-пашу, окруженнаго нѣсколькими арнаутами, я присталъ къ берегу: онъ осматривалъ мѣстоположеніе Бутринто и предполагалъ вырубить весь лѣсъ, простирающійся на три версты до самой албанской границы и служившій венеціанцамъ защитой отъ набѣговъ арнаутовъ... Возвратившись на свою яхту, Али-паша призвалъ меня къ себѣ и вручилъ мнѣ письмо и два большіе узла: въ одномъ изъ нихъ были серебряный рукомоиникъ, тазъ съ рѣшеткою, подносъ, кофейникъ и двѣнадцать турецкихъ чашекъ (зарфо), а въ другомъ — нѣсколько шелковыхъ исподницъ, кушаковъ и другихъ азіатскихъ матерій. „Я посылаю вещи сіи къ російскому адмиралу“, сказалъ визирь, „въ знакъ моей благодарности за его ко мнѣ вниманіе и искреннѣйшаго моего желанія быть съ нимъ въ тѣсной дружбѣ, на счетъ же войскъ пришлю Мухтара-пашу къ адмиралу для полученія отъ него нужныхъ по сему предмету предписаній; сынъ мой выполнитъ оныя во всей точности. Я надѣюсь заслужить любовь русскихъ и покровительство великаго вашего Государя“... Мнѣ подарилъ Али-паша пару пистолетовъ въ золотой оправѣ и предлинный изъ алой вигони каф-

танъ (бинишъ), который я, однако же, не надѣлъ, отзываясь, что по формамъ, у насъ предписаннымъ, мы не можемъ сверхъ мундира ничего надѣвать, кромѣ мундирнаго сюртука или шинели. Гребцамъ моимъ подарено было сто піастровъ.

Успѣхъ второй моей посылки къ Али-пашѣ вознаградила отчасти неудачу и непріятность первой. Я возвратился поспѣшно на эскадру и донесъ адмиралу о всѣхъ подробностяхъ поѣздки моей и вѣреннаго мнѣ препорученія. Адмиралъ былъ очень доволенъ, смѣялся привезеннымъ подаркамъ, но не очень охотно полагался на слово человѣка, которому столь же мало стоило давать обѣщанія, какъ нарушать оныя. Товарищи, не видя моего возвращенія, начинали бояться, что я былъ Али-пашею задержанъ, а можетъ быть и причисленъ къ прочимъ жертвамъ лютости его.

30-го января авизъ „Панагія“ посланъ былъ въ Бутринто въ распоряженіе Мухтара-паши. Ушаковъ учтивостью сею имѣлъ болѣе въ виду напомнить отцу его данное имъ слово. Али-паша былъ крайне доволенъ вниманіемъ адмирала Ушакова. Около полудня того же числа Мухтаръ со свитою своею прибылъ на посланномъ къ нему авизѣ ко флоту и посѣтилъ тотчасъ главнокомандующаго: ему оказаны были генеральскія почести. Узнавъ, какое число вспомогательныхъ войскъ нужно союзникамъ, и сдѣлавъ съ адмираломъ условное постановленіе, какую плату производить имъ и ихъ начальникамъ, Мухтаръ, ни мало не медля, отправился обратно въ Бутринто, для приведенія албанцевъ въ готовность къ отправленію въ Корфу.

Вслѣдъ за нимъ посланъ былъ капитанъ 1-го ранга Сарандинаки ¹⁾ для отданія ему отъ имени адмирала визита. Офицеръ сей, увидѣвшись съ Али-пашею, убѣждалъ его неотступно пріѣхать на російскую эскадру и познакомиться лично съ адмираломъ Ушаковымъ. Али-паша долго отговаривался и колебался, опасаясь вѣроломства турокъ, кои, зная, что Порта многократно покушалась лишить его жизни, могли бы измѣною его арестовать или умертвить; но всѣ его опасенія были уничтожены ручательствомъ капитана Сарандинаки: осторожный и недовѣрчивый Али, считая слово русскаго офицера достаточнымъ залогомъ, вѣряетъ себя великодушію русскихъ и законамъ гостепримства, столь свято имъ наблюдаемымъ.

¹⁾ Капитанъ 1-го ранга Сарандинаки, какъ командиръ флагманскаго судна „Св. Павелъ“, представляя, очевидно, въ настоящемъ случаѣ особу русскаго главнокомандующаго.

2-го февраля отправился Али-паша съ многочисленною своею свитою на фрегатъ „Сшествіе Святаго Духа“ и прибылъ предъ захожденіемъ солнца на адмиральскій корабль. Ему были отданы почести полнаго адмирала. Онъ былъ въ турецкой великолѣпной одеждѣ, облитый золотомъ и украшенный брилліантами, яхонтами и изумрудами; особенно же отличалось чрезмѣрнымъ богатствомъ оружіе его. Одежда чиновниковъ, свиты и тѣлохранителей пашинскихъ соотвѣтствовала блеску ихъ визиря. Кадыръ-бей и прочіе турецкіе флагманы были ему представлены самимъ главнокомандующимъ. Они дотого унизились предъ нимъ, что цѣловали его полу, отличіе или, лучше сказать, дань покорности, отдаваемая знатымъ турецкимъ вельможамъ самыми нижними чинами. Нельзя себѣ изобразить, сколь велико было удовольствіе Али-паши при видѣ всѣхъ почестей, коими его осыпали; онъ не скрывалъ онаго, и на восхищенномъ лицѣ его изображалось ясно удовлетворенное честолюбіе.

Послѣ обыкновенныхъ угощеній по восточному обряду, т. е. подчиванія трубкою, кофеемъ, вареньями и холодною водою, онъ ходилъ осматривать адмиральскій корабль, освѣщенный фонарями, и обошелъ верхнюю и нижнюю палубы. Чистота, порядокъ, военное устройство, встрѣчавшееся на всякомъ шагу, крайне его удивляли; на всякій предметъ дѣлалъ онъ свои вопросы, и ничто не могло скрыться отъ прозорливаго и любопытнаго его взора.

Послѣ сего осмотра Али-паша, въ сопровожденіи адмирала Ушакова и всей флагманской свиты, посѣтилъ турецкаго адмирала Кадыръ-бея. Здѣсь пробылъ онъ менѣе четверти часа, извиняясь тѣмъ, что нѣкоторыя дѣла принуждаютъ его возвратиться скорѣе въ Бутринто. Отправляясь обратно на томъ же фрегатѣ, онъ наговорилъ нашему главнокомандующему множество самыхъ лестныхъ привѣтствій и благодареній за отличный пріемъ, прибавя, что онъ никогда не забудетъ посѣщенія своего на російской Императорской эскадрѣ, и что считаетъ за величайшую для себя честь сдѣланное съ адмираломъ Ушаковымъ знакомство.

Въ заключеніе этихъ выдержекъ изъ „Записокъ капитанъ-лейтенанта флота Егора Метаксы, заключающихъ въ себѣ (какъ значится въ полномъ ихъ оглавленіи) повѣствованіе о военныхъ подвигахъ російской эскадры, покорившей, подъ начальствомъ адмирала Федора Федоровича Ушакова, Ионическіе острова при содѣйствіи Порты Оттоманской въ 1798 и

1799 годах“ слѣдуетъ вспомнить, что описываемая въ нихъ экспедиція закончилась утвержденіемъ русскаго вліянія у береговъ Эпира. Учрежденная Ушаковымъ Республика семи соединенныхъ острововъ, признанная по Амьенскому договору 27-го марта 1802 года, была отдана подъ покровительство Россіи и Турціи. Но естественно, что все тяготѣніе ея склонялось къ родственной по вѣрѣ Россіи, и отношеніе къ Турціи ограничивалось взносомъ установленной небольшой дани.

Въ „Запискахъ морского офицера“ В. Броневскаго (1836 г.), прибывшаго въ Корфу въ эскадрѣ адмирала Д. Н. Сенявина въ 1806 году, рассказывается, что Ионическіе острова, а въ особенности островъ Корфу, сдѣлались какъ бы русской колоніей въ Средиземномъ морѣ. Наши чувствовали себя въ Корфу „столь же безопасными“, по словамъ автора, „какъ бы и въ самой Москвѣ“. Такое положеніе казалось столь утвердившимся и вытекающимъ изъ исторіи нашихъ стремленій къ южнымъ морямъ, что авторъ приводитъ соображенія, „сколько важно въ отношеніи политическомъ пребываніе наше здѣсь, и какія выгоды Корфа представляла для торговли нашего отечества“.

„Петръ Великій, построивъ флотъ, хотѣлъ (пишетъ Броневскій) поставить Россію въ число морскихъ державъ, обогатить подданныхъ своихъ распространеніемъ судоходства, которое какъ извѣстно, прибыльнѣе, нежели сухопутная торговля. Моря, принадлежавшія тогда Россіи, были тѣсны для обширныхъ намѣреній мудраго Просвѣтителя нашего: онъ искалъ пріобрѣсть въ отдаленной странѣ хотя малое владѣніе, дабы, имѣя тамъ флотъ, пріуготовить нужное число мореходцевъ. Эскадра, на сей предметъ посланная къ острову Мадагаскару, лежащему у южной оконечности Африки, поврежденная бурей, возвратилась безъ успѣха. Екатерина II, слѣдуя по стопамъ Великаго изъ Царей, во время счастливой войны съ турками 1770 года, желала отъ Венеціанской, тогда къ паденію клонившейся, республики пріобрѣсть островъ Итаку¹⁾; но смерть Иосифа, миръ, заключенный Леопольдомъ, съ турками и недоброжелательство Англіи, Пруссіи и другихъ посредствовавшихъ въ мирѣ державъ, воспрепятствовали и сіе привести въ исполненіе“.

Теперь потребность базы для нашего флота, а вмѣстѣ съ нимъ для нашего вліянія въ открытомъ южномъ морѣ, по мнѣнію автора, осуществилась.

¹⁾ Одинъ изъ Ионическихъ острововъ.

„Ионическая республика по географическому положенію есть ключъ Италіи и врата древней Греціи. Корфа, имѣя одну дивизію пѣхоты и десять линейныхъ кораблей, не только безопасна отъ непріятельскаго вторженія, но становится важною точкою наблюденія между сѣверными и южными государствами. Народы Италіи, угнетенные чуждымъ игомъ, отклоняя вліяніе другихъ соревнующихъ державъ, изъ Корфы ожидали своего освобожденія. Съ другой стороны греки, обитающіе въ Мореѣ, Албаніи и Архипелагѣ, при незначущихъ нашихъ силахъ мечтали о вольности. Славяне, живущіе на восточномъ берегу Венеціанскаго залива, гордятся однимъ съ нами происхожденіемъ и вѣрою, считали Корфу своею столицею“...

„Корфа для торговли Чернаго моря необходима. Находясь посреди Средиземнаго моря, она представляетъ безопасное убѣжище, надежную защиту и мѣсто для складки товаровъ. Какія выгоды приобрѣтаетъ наше отечество отъ сего порта, доказательствомъ служить то, что въ 1806 году и до половины 1807 число торговыхъ судовъ увеличилось болѣе нежели вчетверо. Въ Средиземномъ морѣ російскій флагъ преимуществовалъ надъ всѣми прочими. Въ другомъ отношеніи Корфа представляетъ важнѣйшія выгоды. Россія, почитаясь второю морскою державою, имѣетъ одно Черное море способное для плаванія круглый годъ, Балтійское же открыто бываетъ только пять мѣсяцевъ, имѣя же Корфу, морскіе офицеры и 10.000 матросовъ приобрѣтаютъ познаніе въ чужихъ моряхъ. Симъ помышленіе Петра и желаніе Екатерины было исполнено“.

По Тильзитскому миру (1807 г.) Ионическіе острова снова были уступлены Франціи, а впослѣдствіи захвачены англичанами, и такъ закончилось русское вліяніе у береговъ Эпира.

В. Ильинскій.

